

п 28

52

ЧИЖ

№ 11 ОГИЗ ЛЕНДЕТГИЗ 1934

111

Из тумана вышел медведь (см. 2 стр.)

В Г О Р А Х

Е. ШВАРЦ

Рисунки Е. САФОНОВОЙ

не по-разному приходилось праздновать годовщину Октября. И в окопе, под пулями, когда мы дрались с белыми. И на улицах, с друзьями рядом, когда мы прогнали наших врагов. И в Москве, на Красной площади. И в Ленинграде, на площади Урицкого. Один раз я встречал Октябрь в воздухе. Меня мой друг лётчик взял с собою на военный самолет. Я летал над Ленинградом и бросал вниз летучки с надписью: «Да здравствует Октябрь во всем мире!»

Много раз я встречал Октябрь, каждый раз интересно, но интересней всего я встретил его в прошлом году.

Где я был?

Я опять был на фронте.

С кем я воевал?

С горами.

Г.П.Б. в Лигр.

Ц. 1935 г.

Акт № 10

Я все прошлое лето, до самой осени, ходил со своими товарищами по Кавказским горам и воевал с ними. Стоит гора крутая, дикая, вся заросшая лесом. Из боков ее торчат острые камни. Наверху как белая шапка — снег, который даже летом не тает, — так высока гора. Посмотришь на гору — и кажется, что она думает про себя: «Чего вы, маленькие, пришли сюда? Что вам от меня надо? Ничего не расскажу, ничего не покажу!»

Но мы храбро взбирались на гору. Мы отбивали молоточками куски камней и прятали их в наши сумки. Мы пробовали воду во всех ручьях и брали ее с собой в бутылочках. Мы опускались в глубокие пещеры. Мы подымались на самую снеговую вершину — и все это для того, чтобы по камням, по воде, по всему, что мы видели, узнать, какие богатства лежат глубоко внутри горы. Ведь для этого мы и приехали на Кавказ.

Мы узнали, мы развели, что глубоко под корнями, камнями, землей, внутри горы прячется ртуть. А здесь рядом — железо. А тут в долине — нефть. Вся наша страна растет и перестраивается, придется тебе, земля, отдавать нам свои богатства. Они нам срочно нужны.

Дикие леса лежали кругом, крутые скалы, глубокие пропасти. Но мы знали, что война началась и что мы победим. Мы знали, что через леса пройдут дороги, через пропасти шагнут мосты и что скалы, где надо, расступятся.

Так мы работали все лето, и уже совсем осенью я, как на настоящей войне, был ранен. Упал я со скалы. Упал удачно — сначала на дерево, а потом уже на землю, но все-таки повредил ногу. Товарищи уехали, чтобы рассказать в Ленинграде о наших находках, а я остался в колхозе Верхнем лечить ногу. И только шестого ноября рано утром, на рассвете, сел я наконец верхом на лошадь. До ближайшего города, где была железная дорога, надо была скакать верхом два дня.

И вот я поскакал.

Сначала ехать было весело. Бежала моя лошадь горными тропинками. Деревья были уже совсем желтые. Воздух прохладный. Небо чистое. Со всех сторон глядели на меня горы — высокие, сердитые, но я их нисколько не боялся. Было очень тихо, только лошадь стучала копытами, и я пел во весь голос. Никого не было вокруг, все сидели дома, готовились праздновать годовщину Октября. Я один скакал по лесам и лугам.

Так я ехал долго, несколько часов, потом слез, отдохнул, покормил лошадь и снова вперед. Теперь тропинка шла лесом, который я плохо знал. Я все время оглядывался, чтобы не сбиться с пути.

И вдруг случилась очень неприятная вещь, хорошо знакомая всем, кто воевал с горами.

Сначала я увидел облако на верхушке горы. Облако это быстро ползло вниз, мне навстречу. Скоро оно закрыло солнце, потом деревья на горе надо мной, а потом и меня самого. Я попал в горный туман, в очень густой туман. Я пустил лошадь шагом. Туман клубился вокруг как пар над кипятком. Ничего не было видно. Лошадь моя тревожилась, фыркала, поводила ушами и наконец стала. Я понукал ее, дергал поводья, но она только кружилась на месте. Я слез и повел ее под уздцы.

Вдруг затрещали сучья, закачались ветки, и прямо на меня из тумана вышел медведь. На миг мы все замерли. И я, и он, и лошадь. Потом лошадь рванулась, вырвала из моих рук уздечку и кинулась куда-то вправо в лес. Медведь прыгнул влево, а я один остался на тропинке. Я стоял один и смеялся как дурак. Дело мое было плохо, и все-таки я стоял и смеялся. Уж очень смешной мне показалась морда у медведя, когда он перепугался и пустился наутёк.

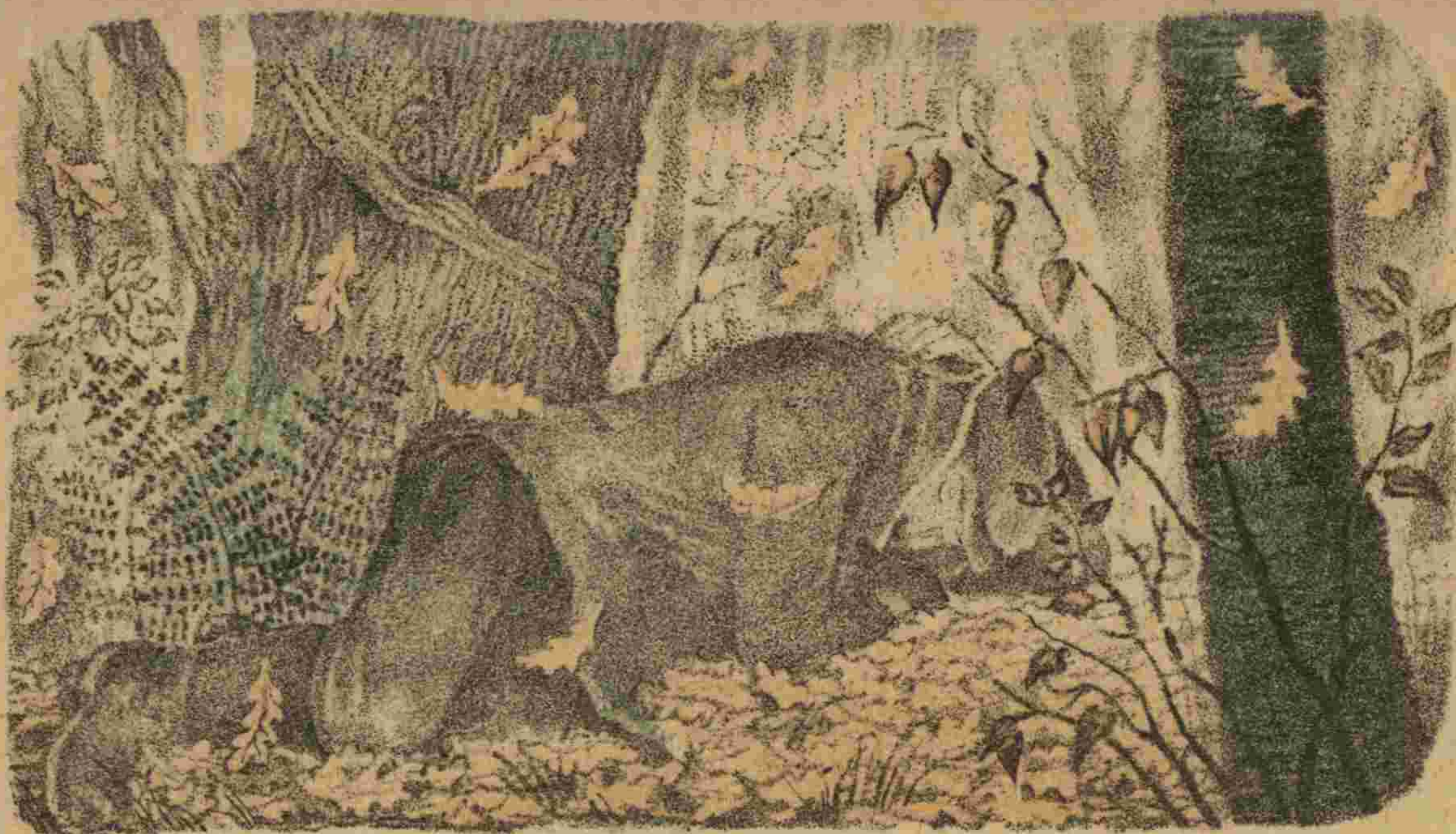
Сучья трещали в лесу и направо и налево. Это бежали друг от друга медведь и лошадь. Я пошел за лошастью. Я надеялся, что она недалеко убежит в тумане. Но вот в лесу стало совсем тихо. Куда теперь идти? Где лошадь? Не наткнулся ли я опять на медведя?

Я повернул обратно к тропинке. Шел я шел, шел, и вдруг понял — плохо! Я сделал большую ошибку! Полез в самую чащу во время тумана. Где я теперь? Пойди пойми. Стоят деревья. Падают с веток желтые листья. Туман вьется. Заблудился я. Не найти мне тропинки.

Я шел то в одну, то в другую сторону, то вверх, то вниз. Вышел к пропасти — дна ее не видно, только слышно — глубоко внизу ревет река. Что за река? Как будто мне по дороге не должна была она встретиться! Повернул обратно. И так я ходил-ходил, кричал-кричал, и только эхо мне отвечало. Скоро совсем стемнело. Я замерз в сыром тумане. Есть мне захотелось, но еда моя уехала на лошади неведомо куда, в глубь, в чащу. Я лег наконец под высоким дубом, закрылся с головой своей курткой и уснул.

Проснулся.

Серый - серый рассвет. Туман как будто еще гуще стал. Я снова пошел, сердитый, дрожу. Сегодня седьмое ноября, праздник, годовщина Октября, а я один в диком лесу, который, выходит, победил меня. Иду и вспоминаю рассказы колхозников. Один рассказывал — две недели вот так он блуждал в лесу, кореньями питался, ослабел. На руках его принесли домой. У другого отец так и не вернулся из лесу. И тела не нашли. Третий только тем и спасся, что собака его вывела на дорогу.

Какой дикий лес кругом! Как тут пусто, как одиноко!

Я пошел прямо вверх, чтобы выбраться из тумана. Иду и думаю: «А мои товарищи все вместе идут сейчас по городу. Музыка играет. Летят самолеты. Флаги выются. Все поют. Танцуют. А я хромаю, а лес глядит спокойно, строго, ему до меня и дела нет».

Кончился лес. Густая трава под ногами. А туман не рассеивается. А в голове у меня шумит. И думаю я все об одном: как хорошо, как весело сейчас в городе на празднике!

И вдруг я слышу, — даже чуть не упал я от удивления, — вдруг слышу я: издали издали гремят оркестры, и чей-то голос кричит. Что кричит?

Глухо-глухо через туман несутся ко мне слова:

— вствует мировой Октябрь!

Потом:

— Ура! а-а! а-а!

Потом снова оркестр. Откуда это здесь, в горах? Сырая серая трава под ногами. Туман. Никого кругом.

А голос снова кричит уже гораздо слышнее:

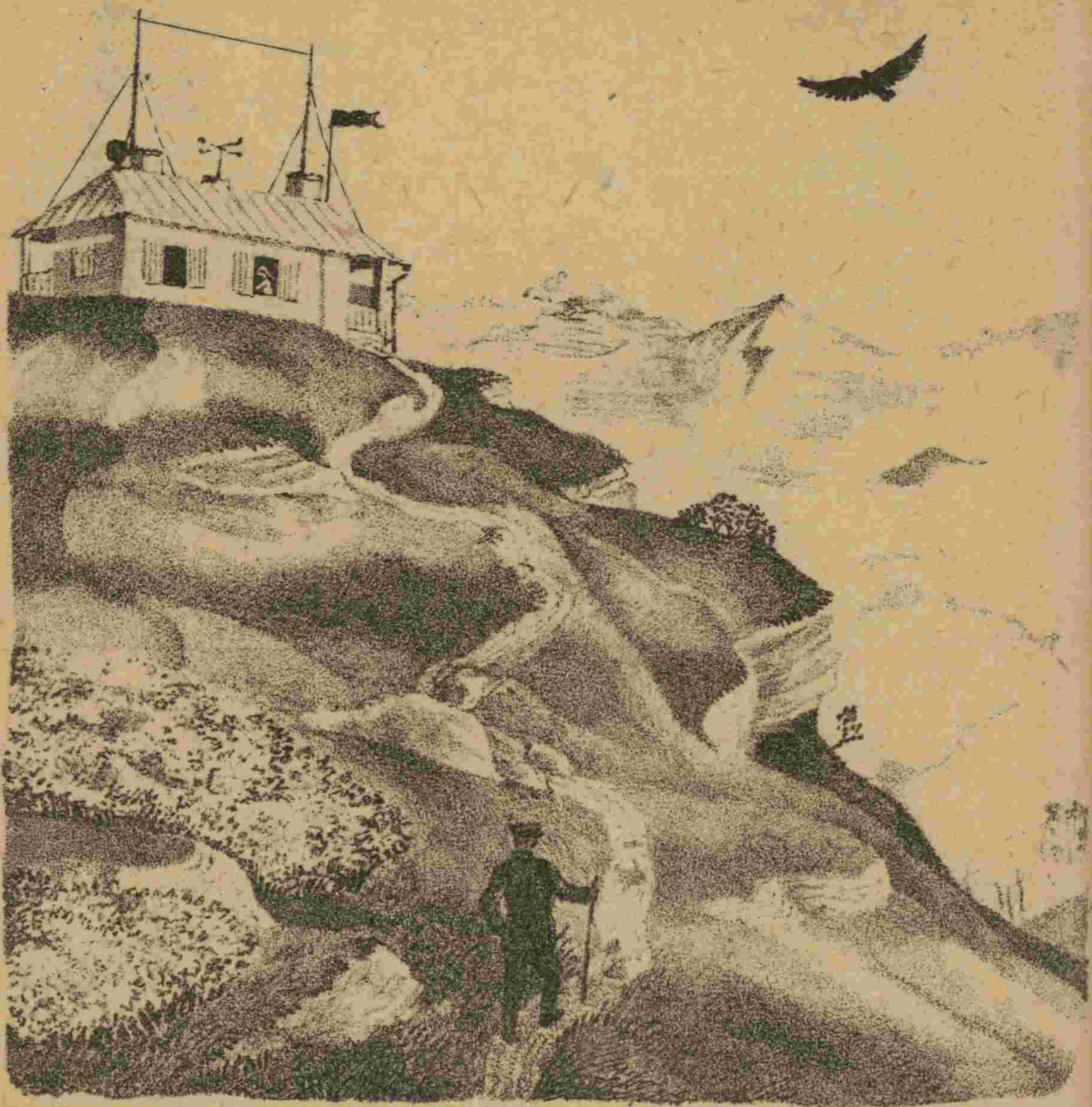
«Привет ударникам завода имени Сталина!»

И снова грохот, целые толпы кричат, и снова музыка.

Лисица пробежала мимо меня у самых моих ног. Пробежала перепуганная, оглядываясь на гул и крики.

Что это значит? С ума я, что ли, сошел?

Все это было непонятно, но мне вдруг стало весело. Я быстро зашагал на шум. И здесь, в глухом тумане, в страшной горной глуши, и здесь праздник, музыка, люди!

На миг музыку и крики покрыл страшный тяжелый удар и долгий грохот, от которого задрожала земля. Это где-то близко упал обвал.

А потом снова музыка, крики, гул. Я шел прямо на этот веселый шум, радостно, как будто домой. Вот уже совсем близко голоса. Вот что-то темнеет в тумане. И вдруг я увидел: стоит маленький домик. На крыше флюгер и две палки с проволокой. Именно отсюда несутся крики, приветствия, пение. Окошко в домике открыто. Я заглянул в домик.

Девочка лет семи сидит за столом. Больше никого кругом. Она и не оглянулась на меня. Она так же, как и я, слушала, как шумит праздник, и улыбалась.

— Хорошо слышно, Шура? — крикнул кто-то за стеной.

— Хорошо! — ответила девочка.

Из комнаты рядом вышел бородатый человек и с удивлением уставился на меня.

— Как вы попали сюда? — спросил он меня строго.

Девочка вскочила, так что ее белые косички метнулись вверх. И вытаращила на меня глаза.

— Дайте чаю, тогда скажу, — ответил я им обоим и засмеялся.

Скоро я сидел с моими хозяевами за столом и пил чай. Два громкоговорителя, один с крыши, другой со стены, кричали, пели, говорили. Мы слушали Красную площадь в день Октября.

Я попал к метеорологу, ученому, который следит за погодой. На высокой горе стоит его станция, этот маленький домик. Он всю зиму живёт здесь со своей дочкой, следит за погодой в горах, работает.

— Мы не скучаем, — сказал он мне. — У нас много работы. А когда нет работы, мы читаем, — вон у нас какой большой шкаф с книгами. А когда не хочется читать — мы гуляем и видим вокруг на много километров леса, горы, луга. Мы отсюда видим, как прыгают рядом на скалах дикие козы, видим, как медведица купает в озере медвежат, как на лугах пасутся туры.

«Придет зима — у нас тепло. В сарае за домиком дров запасено на всю зиму. В подвале под полом запасы. Мы с дочкой надеваем лыжи, бегаем по горам, охотимся, потом сами готовим обед на плите. А вечером радио громко рассказывает нам обо всем, что делается в нашей стране. Так что мы тут все знаем, со всеми связаны. В будущем году дочка уедет учиться в школу, мне будет, конечно, скучнее, — но ведь летом она опять приедет».

Так мы разговаривали и слушали радио. Мы были высоко в горах, в тумане и одни — и в то же время со всеми нашими товарищами, которые огромной толпой шли через Красную площадь.

